

СЕМАНТИКА ЖАНРОВ И ЖАНРОВЫЕ ПРОЦЕССЫ В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Д. Б. ТЕРЕШКИНА

*(Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого,
г. Великий Новгород, Россия)*

УДК 811.161.1'42:821.161.1-343.5

ББК ШЗЗ(2Рос=Рус)5-41

«ЧЕТЬИ-МИНЕИ» КАК ХУДОЖЕСТВЕННАЯ СИСТЕМА И ДИНАМИКА ЕЕ ТРАНСФОРМАЦИИ В ЛИТЕРАТУРЕ НОВОГО ВРЕМЕНИ

Аннотация. «Четьи-Минеи» рассматривается комплексно – как книга и текст. Фактографический материал, содержащийся в архивных источниках и зафиксированный в комментариях, переписке, свидетельствующий о прямом обращении к «Четьим-Минеям» как к тексту-источнику, представляет прежде всего *традицию* памятника в русской литературе Нового времени. Продуктивно также изучение *интертекста* «Четьих-Миней» в литературе как гипертекста. Инструментом анализа становится минейный код, т.е. система элементов, свойственных первичному агиографическому тексту и вторичным по отношению к нему: имя героя, тезоименитого святому; дата сакрального календаря, биография героя, линейно понимаемое время спасения; многовершинность персонажной архитектоники текста; явления энергичной интерференции имен (судеб) героев и *imitationis imitation*, возможные в рамках минейно понимаемой традиции прославления святых в русской словесности.

Ключевые слова. «Четьи-Минеи», житие, святость, минейный код, поэземпларное описание, интертекстуальность, агиографические топосы, околотекстовое пространство, отождествление

Среди текстов русскоязычной книжности Нового времени «Четьи-Минеи» Дмитрия Ростовского занимают особое место: они стали одним из концептов русского менталитета.

«Четьи-Минеи» представляют собой корпус текстов агиографического жанра, составляющих двенадцать томов по числу месяцев календарного года. Всего в корпусе Четьих-Миней содержится 765 статей, в том числе 91 русская и славянская статья [Круминг 1994: 7]. Славянские Четьи-Минеи существовали уже в XI веке, несколько миней дошло до нас за период XII – XV вв. Однако

расцвет жанра начинается с XVI в. Предпринятые новгородским (позже – общерусским) митрополитом Макарием усилия по собиранию всех книг «чтомых, которые в русской земле обретаются», а также по организации создания колоссального 12-томного труда по агиологии, названного «Великие Четьи-Минеи», поставили этот жанр во главу угла русской письменности, наряду с летописанием. При Макарии было создано три редакции Минеи Четьих, с 1529 по 1554 гг. Дело Макария продолжил священник церкви Рождества Христова Троице-Сергиевой лавры Иоанн Милютин. Время составления его комплекта Четьих-Минеи приходится на середину XVII в. (1646 – 1654 гг.).

Славянские печатные Четьи-Минеи обязаны своим происхождением св. Дмитрию Ростовскому. Известно, что «в старопечатной (книжности – Д.Т.) вообще нет никаких Четьих Минеи, кроме Димитриевых» [Круминг 1994: 6]. Дмитрий Ростовский (Даниил Саввич Туптало) (1651 – 1709) [Костомаров 1874; Шляпкин 1991, Федотова 1992, Стрижев 2004, Федотова и др. 2007] – один из наиболее ярких церковных деятелей в истории русской церкви и в целом русской культуры. Работа над «Книгой житий святых» («Четьими-Минеями») стала для Дмитрия Ростовского подвижническим трудом, полным больших сложностей, искушений и даже нравственных страданий. Составление свода житий, начатое около 1684 г., длилось до самой смерти святителя. Умер Дмитрий Ростовский, согласно монашескому обету, «не стяжах имени... кроме книг святых», завещав положить в его гроб оставшиеся черновики сочинений. «При вскрытии гробницы в 1752 г. они оказались истлевшими, поэтому автографов святителя до нашего времени дошло немного» [Федотова и др. 2007: 11].

Почитание Дмитрия Ростовского началось сразу по его преставлении. В 1752 г. актом было засвидетельствовано нетление его мощей. «В 1757 г. <...> были установлены дни празднования святителю: 21 сент. – в день обретения мощей, 28 окт. – в день преставления. Димитрий стал первым святым, канонизированным в синодальный период истории Русской Церкви, и единственным подвижником, прославленным к общерусскому почитанию в XVIII в.» [Федотова 2007: 19]. Служба Дмитрию Ростовскому была издана в 1759 г., житие святителя – в 1786 г. (всего известно несколько редакций жития) [Федотова 2008, 2009, 2010, 2011].

Труд Дмитрия Туптало выдержал множество изданий. Первое издание было осуществлено в Киеве в 1689 – 1705 гг.; переиздания: 1711 – 1716, 1756 – 1759, 1762, 1764, 1767, 1782, 1789, 1805, 1815,

1829, 1835, 1840, 1852, 1859, 1880 – издания четырьмя книгами в лист. В XIX в. появились издания двенадцатью томами (по одному месяцу в каждом томе) «в осьмушку»: 1837, 1845, 1852, 1856, 1864, 1875, 1888-1889. В Киеве были также издания в лист в 1764 и 1827 гг., в осьмушку – 1859, 1868-1870, 1877 – 1881, 1902 – 1904 гг. «Таким образом, в среднем выходило одно издание в пять лет, что свидетельствует о широчайшем распространении Четых Миней» [Круминг 1994: 38 – 39]. Как отмечает исследователь, «издательская история сочинений Дмитрия Ростовского заслуживает особого внимания уже из-за огромного числа вышедших изданий» [Круминг 1994: 5]. Несмотря на это, спрос превышал предложение, поэтому известны рукописные списки отдельных томов, а также отдельных житий в составе сборников. Н.И. Костомаров писал: «Литературные труды Дмитрия имеют важное значение именно потому, что были сильно распространены в русском обществе до последнего времени. Едва ли какой другой духовный писатель имел такой обширный круг читателей» [Костомаров 1874: 524].

Жития святых в русской словесности стоят особняком, что объясняется специфическими особенностями агиографического жанра, его неполемичностью, нравственной императивностью, однотонностью повествования. Изучение агиографических традиций в классических произведениях русской литературы уже стало привычным и ожидаемым явлением, особенно в текстах, где влияние агиографического канона либо конкретных житийных текстов очевидно («Житие Федора Васильевича Ушакова» А. Н. Радищева, «Отец Сергей» Л. Н. Толстого, «Шинель» Н. В. Гоголя, «Братья Карамазовы» Ф. М. Достоевского, произведения Н. С. Лескова, А. И. Герцена, И. С. Аксакова, А. М. Ремизова, Б. К. Зайцева, И. А. Бунина, А. И. Куприна, Ф. Абрамова, и др. [Травников 1978, Курилов 1978, Державина 1990, Де Лотто 1993, Ветловская 1999, Гродецкая 2000, Минеева 2003, Растягаев 2007, Руди 2008, Климова 2009, Терещенко 2011]) и прослеживается на уровне композиции, образа главного героя, агиографических топосов, тезоименитости персонажа его небесному покровителю. Однако характер бытования *минейного* текста в русской словесности не изучался; до сих пор не существует минимальной фактической и теоретической базы взаимодействия «Четых-Миней» как концептообразующего для русской словесности текста и русской литературы, заключающей инвариантные формы минейного интертекста. Нас интересуют непосредственные отсылки к Четым-Миням в произведениях русской словесности и авторских комментариях к ним, а также *система, степень и формы* влияния

«Четых-Миней» на новую русскую литературу – те признаки интертекстуальности, которые позволяют говорить о скрытом влиянии памятника на произведения русской словесности Нового времени, действовать в «диффузном», «растворенном», а потому еще более глубинном виде.

Большие тиражи и многократные переиздания поставили «Четьи-Миней» в ряд наиболее важных книг в русской словесности и культуры в целом¹. Отличающийся активной жизнью в читательской среде, свод житий Дмитрия Ростовского бытовал во множестве форм: собственно сводом – в наиболее «статусных» книжных собраниях; отдельными томами – в частных, небольших приходских, общественных городских библиотеках; в выписках – в личных собраниях; в извлечениях – дешевых, общедоступных изданиях отдельных житий. Наконец, само развитие текста «Четых Миней» в XVIII и XIX вв., представленное в адаптации языка, стиля, в появлении новых переложений, редакций памятника, а также влияния их повествовательной (чаще – русской или славянской) части на Прологи издания XVIII - XIX вв. – значительная составляющая письменной культуры.

Несмотря на множественные переиздания «Четых-Миней» и концептуальный характер этого текста для русской культуры, собственно «Четьи-Миней» имели хождение в весьма узких кругах. Издания были недоступны – особенно в их полном варианте годового круга чтения, – и не только потому, что были дороги, но и потому, что грамотность населения была чрезвычайно низкой. По-настоящему массовой традиция четь-минейных текстов стала с появлением дешевых доступных изданий «для народа». При этом, с одной стороны, эта традиция имела расширительный характер, т.е. включала в себя, в том числе, тексты, не входившие в канонический корпус Четых-Миней. С другой стороны, это была именно минейная традиция, распространяемая «в розницу», по частям (отдельным памятникам), но серийно, что в итоге составляло четь-минейный круг

¹ «Многократно издаваемые произведения имеют (как источники выявления концептов – Д.Т.) первоочередное значение, поскольку вошли в круг чтения» [Демидов 2004: 121]. О значимости тиражей и количества переизданий в определении роли произведений в культурной среде русского общества пишет и Т. А. Афанасьева: «Значительными были тиражи «четых» книг» (Пролога, «Маргарита» и проповедей). «Многократные переиздания той или иной книги свидетельствуют о сохранении интереса к ней на протяжении долгого времени»; «Пролог в XVIII в. переиздавался 14 раз, Патерик Печерский с 1759 г. – 13 раз, а произведений житийной литературы известно около 40 изданий» [Афанасьева 1988: 135, 133].

наиболее востребованных текстов наиболее почитаемых святых, образуя цикл (хоть и представленный в его утилитарном варианте «серии»). Собственно, именно в этот момент четь-минейный текст и становится по-настоящему концептуальным для русской массовой культуры, во многом определявшим ее сознание и формировавшим ее вкусы.

Народные представления о заступничестве святых и покровительстве ими дней церковного года наиболее ярко проявились в народном календаре. Русский народный календарь, как это давно установлено исследователями, представляет собой такую организацию годового круга, в которой совмещены два основных взгляда на человеческое бытие во времени: повседневная, природная цикличная (и прежде всего – сельскохозяйственная) жизнь человека, целиком зависевшая от условий окружающей среды, и вневременное житие, символически отраженное в церковных праздниках года¹. Несомненно, двенадцатые праздники, связанные с жизнью, крестным путем и вознесением Христа, являются «костяком» организации сакрального календаря. Однако праздники, установленные в честь святых, занимают в этом календаре совершенно особое место. Подвижники, чьи жития со временем составили годовой круг текстов, приуроченных ко дню поминовения каждого святого («Четьи-Миней»), являлись для народа своего рода «покровителями» того или иного дня года, прочно связывались с действиями, в этот день совершаемыми.

В любом более или менее замкнутом локусе (город, область) наблюдается тенденция сохранения, наряду с Господскими и Богородичными посвящениями, «костяка» святых, во имя которых освящаются храмы и приделы. Традиция именованья храмов влекла за собой и формирование определенного состава икон в каждом храме, приделе и в регионе в целом. Несомненно, особым образом была организована приходская жизнь: престольные праздники каждого храма, сменяя друг друга, составляли годовой круг «именин» каждого прихода, села, конца, улицы, в которые включались, на правах «гостей», члены других приходов, приобщались к праздникам, отмеряли ими свою повседневную и церковно-обрядовую жизнь. На богослужении вспоминалось житие святого, разъяснялась суть его подвига, осуществлялись призывы воздать славу угоднику и хотя бы отчасти стяжать его добродетели.

¹Об отражении в художественной литературе совмещения двух планов человеческой жизни, явленных в народно-церковном календаре, уже написано (прежде всего по отношению к творчеству А. С. Пушкина): [Кошелев 1994, Гайворонская 2006 и др].

Широкое распространение лубка, в том числе религиозного, в XVIII – нач. XX в. сделало возможным освоение широкими массами не только изображений святых, но и текстов их житий, избранных деяний и легенд. Лубок стал со временем «иллюстрированной нравоучительной энциклопедией для народа» [Воронина 2013: 459]. Исследователи отмечают, что, несмотря на значительный интерес к картинкам светского содержания, наибольшую популярность получили листы на духовную тему, которые объединяются в работах по русскому лубку названием «религиозный лубок». Д.А. Ровинский отмечал, что лубки на религиозные темы висели едва не в каждой деревенской избе; долгое время религиозный лубок бытовал, наряду с традиционными иконами, даже в храмах, а печатные святцы до конца XIX в. были почти в каждой церкви. Листы религиозного лубка изображали Николая Чудотворца, Симеона Столпника, Иова Многострадального, Алексия Человека Божия, Екатерины, Марии Египетской; русских подвижников Александра Невского, Сергия Радонежского, Нила Столобенского. Часто это были не только изображения ликов святых (позже – их вполне реалистичных «портретов»), но и сцены из их жизни, чудеса, ими совершенные. Происходило расширение сюжетов религиозного лубка. «Лубочная минея» пополнялась за счет новых подвижников: Митрофана Воронежского, преподобного Лукиана, святого Арсения Тверского, Серафима Саровского (преставился в 1833 г.).

Основной чертой «Четьих-Миней» как текста является их энциклопедизм. «Четьи-Минеи» содержали широчайшие сведения по всемирной истории, истории христианства, Византии, славянских народов, по богословским вопросам, по библиестике, повествования о жизни, деяниях, подвигах и прославлении христианских святых. Памятник носит справочный характер, поскольку содержит разветвленную систему отсылок к цитатам из Священного Писания, к источникам исторического характера, к соседним текстам и ко всему корпусу в целом. Представляя, таким образом, своеобразную «энциклопедию святости» (это название применяется прежде всего к «Великим Четьим-Минеям» митрополита Макария; с полным правом оно может быть отнесено к труду Дмитрия Ростовского), «Четьи-Минеи» и использовались как энциклопедия. Существовая как огромный фонд, «Четьи-Минеи» могли читаться «по частям»: по дням месяцев года либо выборочно, в силу разных причин (например, жития святых, тезоименитых читателю и его близким людям, жития почитаемых в конкретном месте или конкретным человеком святых, «популярные» жития, всегда входившие в «активный запас» православных). «Четьи-

Минеи» могли читаться спонтанно «на любом месте», как часто читают Евангелие, либо планомерно, осваивая весь материал (как это наблюдается в критичном чтении всех томов «Четьих-Минеи» в Московской духовной семинарии, судя по сохранившимся экземплярам, бывшим в активном чтении студентов в конце XIX – начале XX в.), либо в воспитательных, обучающих целях, при выборе имени ребенку и т.д. и т.п.

Следует отметить, что произведений энциклопедического характера в русской словесности было немало еще в древний период. «Великие Минеи-Четьи» стали лишь самым масштабным из них. Были еще многочисленные сборники нравоучительного характера – «Златоуст», «Пчела», «Торжественник», «Златая цепь», «Маргарит», «Пролог», «Златая Матица», «Лествица» Иоанна Лествичника, «Златоструй», «Паренесис» Ефрема Сирина, сборники слов Василия Великого, Григория Богослова и др. [Черторицкая и др. 1985]. В век крупных литературных предприятий (так назван Д. С. Лихачевым XVI в.), кроме «Великих Минеи Четьи», была создана грандиозная «Степенная книга», которая, подобно «Четьим-Минеям», носила энциклопедический и во многом элитарный характер¹. Энциклопедический характер носили многие произведения, предназначенные для преподавания в учебных заведениях XVII – XVIII вв.²

¹Степенная книга «предстает перед нами как пример (едва ли не первый в русской литературе) сочетания писателем традиций житийной литературы с запросами светского читателя <...> Это выразилось, с одной стороны, в особой литературной обработке соответствующих сочинений, с другой - в том, что «темных сторон» в биографиях <...> не было или они были сокращены до минимума. <...> отметим необычайную заботу <...> книжника о читателе. <...> на протяжении всего текста памятника фиксируется стремление его составителя облегчить знакомство с ним. Это проявилось: в четкой структуре Степенной книги, состоящей из целого ряда разделов (глав и титл), которые группировались в рамках житий-степеней; в написании оглавления (гранесования), существенно облегчавшего работу с текстом; в наличии многочисленных пояснений и толкований тех или иных топонимов, этнонимов и прочих терминов, значение которых растолковывалось в специальной справочной статье <...>; в помещении в текст Степенной книги 50 внутренних ссылок, в большинстве случаев отсылающих читателя к княжеским жизнеописаниям. На наш взгляд, очевидное стремление писателя облегчить читателю работу с текстом свидетельствует о том, что, по всей видимости, Степенная книга предназначалась для элиты общества» [Усачев 2009: 669 - 670].

²«Сочинение Феофана Прокоповича “Десять книг об искусстве риторики”, по-видимому, создавалось автором как риторика энциклопедического типа. Оно является настоящим сводом всех риторических законов и правил, знакомит со многими другими риториками — как древними, так и новыми — и представляет собой настоящую энциклопедию риторических примеров. В этом отношении “Риторика” Феофана уникальна для всей русской культуры и может быть сопоставлена лишь с западноевропейскими

Еще одной важной характеристикой «Четых-Миней» является связь текста с его составителем. Дмитрия Ростовского, как и его предшественников – составителей «Четых-Миней», принято называть «составителями» свода житий, поскольку в полной мере «авторами», «творцами» текстов они сами себя не считали, продолжая традиции древнерусского самоуничтожения книжника и подкрепляя своим примером постулаты христианского образа жизни и оценки своих деяний. Эта внутренняя установка авторов колоссального труда, а также факт их канонизации (напомним: к лику святых были причислены и Симеон Метафраст, и митрополит Макарий, и Дмитрий Ростовский) поставил «Четых-Миней» в ряд текстов непрекаемого авторитета в русской словесности. Тем самым словно снята была «проблема» критики текста; также исключалась «полемика» с автором. Кроме того, агиография, являясь «образцовой», вне-полемичной литературой, не давала оснований для неоднозначных толкований и споров. Она либо воспринималась как образцовая (и тогда ее восприятие лежало только в области веры), либо уходила на периферию литературного интереса как не дающая почвы для вариантных интерпретаций. Факт же причисления писателя к лику святых прежде всего за его литературное творчество во многом способствовал явлению сакрализации поэта в русской словесности.

Эта традиция, когда составитель житий был канонизирован, наряду с героями его произведений, сохранилась и усилилась в светской словесности Нового времени, когда писатели становились не только «выразителями национального сознания», но и «честью нации», почти святыми, пророками, в атеистической рецепции XX века воплотившись в формуле «поэт в России больше чем поэт»¹. Следует отметить, что подобное отношение к писателю – как пророку – формировалось не сразу, в том числе и в европейском сознании [Клейн 2005]. В русской литературе самовозвеличивание поэта (основанное, несомненно, на реально существовавшей рецепции поэта в обществе) начинает ясно звучать в поэзии Державина, проявляется в официально поддерживаемом культе Ломоносова, а у Пушкина достигает высочайшего предела: «... тот факт, что Пушкин характеризует свой

ренессансными риториками, например с сочинением Никола Коссена “XVI книга о духовном и светском красноречии”» [Кибальник 1983: 205].

¹ См. эпизод, рассказанный в книге «Несвятые святые» арх. Тихоном (Шевкуновым), о портрете Льва Толстого в кабинете Сергея Бондарчука, которому великий человек и режиссер поверял свои мысли и «исповедался» и с которым расстался только перед смертью, согласившись на церковное причастие. См. также исследование с симптоматичным заглавием: [Новикова 1998].

памятник как “нерукотворный”, отсылает к традиции иконопочитания: поэтическое “я” становится объектом христианской сакрализации. <...> культ собственной поэзии и собственного “я” вырастает у Пушкина до небывалых размеров, вплоть до кощунства. Однако это превознесение самого себя ограничено принятой ролью: поэзия Пушкина притязает на то, чтобы служить не монарху, но русскому “народу” и его “свободе”» [Клейн 2005: 520]. Примечательно, что эта роль, взятая на себя поэтом и не воспринимаемая как кощунство вследствие давней традиции поэтического мотива «поэт-пророк», а также вследствие канонизации духовных писателей, перешла затем и к великим художникам слова, ставшим выразителями философии эпохи, уже не претендовавшим открыто на роль «прорицателей истины». За них это сделало народное сознание.

«Четьи-Минеи» представляют собой явление национальной книжности, а не только круга чтения. Важно подчеркнуть особую значимость понятия «книжность» в истории любого народа. В отличие от круга чтения, имеющего непостоянный состав и стремительно меняющийся в зависимости от потребностей читающей публики и множества прочих обстоятельств (моды, тиража, действия цензуры и проч.), книжность всегда национальна и представляет собой поступательно развивающуюся традицию.

О «Четьих-Миней» можно говорить как о гипертексте, поскольку они представляют собой не просто корпус однотипных текстов, расположенных по четко заданной схеме – согласно датам церковного года; как художественная система они обладают свойствами гипертекста. Поэтому и влияние свода житий на русскую словесность было не только на уровне отдельных входящих в него агиографических текстов, но и на уровне всей художественной системы «Четьих-Миней».

«Гипертекст – это текст, в котором обнаруживаются какие-либо ссылки на другие фрагменты. Простейший пример гипертекста – это любой словарь, в котором каждая статья имеет отсылки к другим статьям этого же словаря. В литературоведении гипертекст – это такая форма организации текстового материала, при которой его единицы представлены не в линейной последовательности, а как система явно указанных переходов, связей между ними. Следуя этим связям, можно читать материал в любом порядке, образуя разные линейные тексты. <...> количество значений исходного текста расширяется, благодаря внедрению в формирование его сюжетных линий читателя. Структурной составляющей многих произведений новейшей литературы являются ссылки, комментарии, примечания,

воплощающие особенности гипертекстовой организации» [Черняк 2009]. «Четьи-Минеи» обладают всеми указанными признаками гипертекста в нашем сегодняшнем его понимании¹, тем более что уже давно говорится о гипертексте даже применительно к устному народному творчеству².

В современном литературоведении термином «гипертекст» обозначаются разные понятия. В строгом смысле классическим гипертекстом является электронная система совокупности текстов с гиперссылками, выводящими на другие тексты, благодаря чему читатель выстраивает свой текст в зависимости от конкретных целей и задач акта чтения. Понятие гипертекста может быть распространено на печатные тексты, разбитые на фрагменты «таким образом, что это дает возможность читать их в любом порядке (Библия, энциклопедия и др.)» [Масалова 2003: 12]. «Четьи-Минеи» являются гипертекстом не только потому, что представляют собой «энциклопедию христианской святости», но и потому, что все тексты, составляющие «Четьи-Минеи», являются однотипными и когерентными. «Фрагменты гипертекста обладают свойствами и характеристиками, отличными от свойств абзацев и сверхфразовых единств линейных текстов. Они должны обладать смысловой законченностью, целостностью и когерентностью (как внешней, так и внутренней)» [Масалова 2003: 12]. М.В. Масалова отмечает, что в гипертексте «обязательно должны быть реализованы два элемента <...>: 1) отдельная информационная единица – фрагмент (узел, гнездо <...>)» и др.; 2) «гипертекстовая ссылка – средство, делающее возможным переход от одной информационной единицы к другой» [Масалова 2003: 12]. «Читатель сам выбирает те узлы гипертекста, которые ему необходимы, таким образом, komponуя свой собственный законченный текст. Узлы, содержащие определенные темы и субподтемы авторского варианта текста, составляют текст, наиболее полно и достаточно раскрывающий тему для данного конкретного читателя» [Масалова 2003: 11]. В «Четьих-Минях»

¹ Следует обратить внимание и на гипертекстовые пометы читателей Четьих-Миней (см., напр., Четьи-Минеи на декабрь – февраль. М., 1759. РГБ, инв. № 5854), обращающихся к другим текстам Священного Писания и Предания, сопоставляющим разные чтения, комментирующим прочитанное и т.д.

² «... В реальном процессе бытования отношения между фольклорными текстами разной жанровой природы организуются как многоуровневые, гипертекстовые. Это означает, что в сознании и восприятии информанта фольклорные произведения существуют не изолированно, автономно, а взаимосвязаны, т.е. имеют тематическую, мотивную или поэтическую общность и образуют своеобразные жанровые и сюжетные “пучки” (или гипертекстовые системы)» [Иванова URL].

признаками гипертекстуальности являются также ссылки на источники цитат, указываемые на правом или левом поле непосредственно возле цитируемого фрагмента. Указание на цитируемый текст актуализирует его в сознании читателя, расширяя контекст и выводя повествование читаемого текста на уровень общецерковной истории, создавая необходимую агиографическому дискурсу абстрагированность изображаемого. Свойственные классическому гипертексту способ передвижения по нему в виде «прыжка» (от текста к тексту) и нелинейный способ прочтения (и за счет актуализации даваемых в виде ссылок текстов, и путем выборочного чтения нужных читателю житий) также указывает на гипертекстуальный характер «Четьих-Миней». В отличие от электронного гипертекста, где путем мгновенного перехода по гиперссылке перед читателем предстает текст, упоминаемый в основном тексте, в печатном гипертексте отсылочные тексты моделируются в памяти и сознании читателя в той мере, в какой позволяют его начитанность, опыт, степень заинтересованности в содержании читаемого и другие факторы продуктивного чтения. В этом смысле гипертекст «Четьих-Миней» имеет двойственный характер. С одной стороны, справочный аппарат с указанием источника цитирования либо аллюзивных отсылок адресован широкому читателю, не всегда обладающему энциклопедическими знаниями в области священных текстов; таким образом, гипертекстуальность свода житий схожа с явлением современного электронного гипертекста, в котором гипертекстуальность, по мнению Е. Г. Соколова, - «это материализованная интертекстуальность для “нищих духом”, т.е. для тех читателей, интеллектуального и культурного потенциала которых недостаточно для самостоятельной расшифровки авторских аллюзий» [Соболева 2014: 73]. С другой стороны, гипертекст «Четьих-Миней» рассчитан на пытливого и благочестивого читателя, в котором постоянная актуализация знаний конкретных чтений Священного Писания и отсылок к Священному Преданию является частью его регулярных занятий в умном делании и воспитанием добродетелей. Наконец, именно система гиперссылок делает «Четьи-Миней» не просто корпусом однотипных текстов, а живым художественным организмом, генетическими и образными связями объединяющим всю религиозную письменность. В этой системе продуктивное чтение предполагало и индивидуальную навигацию читателя в гипертексте «Четьих-Миней», и множественные варианты маршрутов чтения.

Находясь в рамках чтения «Четьих-Миней», читатель погружался в гипертекстуальные связи памятника, выраженные прежде всего

эксплицитно. Однако имплицитная гипертекстуальность в «Четьих-Минеях» не менее важна, поскольку не оговариваемые в ссылках множественные аллюзии на уровне агиографической топики, несомненно, угадывалась и осознавалась читателем. Корпус текстов «Четьих-Миней», таким образом, воспринимался не как их механический свод, а как художественная система, в которой общие изобразительные средства подкрепляли единую идею корпуса: равновеликость святых при множественности их индивидуальных судеб, общее делание во имя Христа, совокупный опыт подвижничества в разных образцах этого опыта, явившихся на протяжении почти двух тысячелетий истории христианства.

Именно в рамках художественной системы «Четьих-Миней» можно говорить об интертексте гипертекста свода житий в русской словесности Нового времени. Об агиографической традиции и прямых отсылках к житийным произведениям уже многожды писалось. В случае с «Четьими-Минеями» можно говорить как о традиции на уровне отдельных памятников (наиболее популярных житий), так и об интертекстуальных связях, мыслимых масштабом свода житий – несомненно, не всех их, которых несколько сотен, а тех, которые, в разных комбинациях, актуализированы во вторичном тексте.

Интертекст гипертекста «Четьих-Миней» является не только вторичным образованием по отношению к тексту-источнику, но и в каждом случае уникальным построением читательской рецепции, включающей множественные связи посредством прямых отсылок (например, в цитировании), опосредованных явлений, отсылающих к гипертексту «Четьих-Миней» (например, в системе образов), агиографической топики (используемой автором либо намеренно, либо интуитивно, но угадываемой читателем), а также системой маркеров «минейного кода». По мнению Е. В. Зыковой, понятия интертекстуальности и гипертекстуальности частично пересекаются, но не совпадают. Принципиальным различием, с ее точки зрения, является то, что «для “включения” интертекстуальности необходимы устоявшиеся в культурном, социальном, историческом контексте ключевые слова, в то время как в условиях гипертекстуальности роль значимого понятия может сыграть любой фрагмент текста, включая графические средства и звук» [Зыкова 2006: 6]. Кроме того, при интертекстуальных связях ключевые слова привносят в текст багаж смыслов, накопившийся за время бытования первоисточника. Напротив, гипертекстуальность подразумевает, что любой фрагмент информационной единицы», связываемый при помощи гиперссылки с

другими информационными единицами, «обрастает новыми коннотационными, информационными и другими значениями лишь по мере построения реципиентом своего гипертекста» [Соболева 2014: 73]. В связи с этим считаем обоснованным применение термина «интертекст гипертекста» применительно к интертексту «Четьих-Миней» во вторичных по отношению к ним художественных текстах – как ориентированных на традицию Священного Предания (в «ориентированных» текстах), так и к этой традиции не отсылающих напрямую (в «диффузных» текстах), но имеющих потенциальную возможность реализации интертекстуальности гипертекста в восприятии читателя, в рамках христианской традиции находящегося.

Это не мешает находиться читателю и в рамках интертекста отдельного произведения из корпуса житий (если минейный код считывается реципиентом только как агиографический, т.е. располагающийся на уровне одного конкретного жития). При этом интертекстуальные связи на уровне гипертекста могут быть и гораздо более сложными. М. В. Масалова, говоря о межтекстовой гипертекстуальности как о связи любого (т.е. каждого) текста с предшествующими, параллельными или последующими текстами, утверждает, что «в художественных текстах межтекстовая гипертекстуальность предстает в менее явных формах. Понятие межтекстовой гипертекстуальности предлагается использовать как более общее понятие по отношению к другим типам взаимодействия текстов (интертекстуальности как сопричастия в одном тексте двух или более текстов; паратекстуальности как отношения текста к своему заглавию, послесловию, эпиграфу; метатекстуальности как комментирующей ссылки на претекст, архитектурности как жанровой связи текстов...» [Масалова 2003: 22]. Практически все виды интертекстуальности гипертекста «Четьих-Миней» наблюдаются, в той или иной форме, в художественных произведениях русской словесности, находящейся в русле христианского менталитета.

Необходимостью адекватного определения и описания традиции «Четьих-Миней» во вторичных по отношению к ним текстах продиктовано введение понятия минейного кода текста. Маркерами присутствия минейного кода являются имена героев, даты сакрального и народного календаря, время как символ течения жизни и движения ее к Абсолюту, биографически житийная схема (в том числе смерть или гибель героя, особенно если она нетипична), система персонажей как модель минейного *communio sanctorum* («общения святых»), семья героя (в том числе «духовная семья», образуемая смертными и покровительствующими им святыми), духовная красота героя (портрет

персонажа, связь жития героя с его визуальным обликом, в том числе утрированно иконописном), абстрагированность повествования (уход от реальности, превращение жизни в житие), радость «во Христе» как превалирующее состояние героя и как модус его восприятия жизни.

Одним из ведущих принципов минейного изображения событий и лиц является принцип подобия (героев друг другу, а также персонажей тому агиотипу, который в них актуализирован, чаще всего в кризисные моменты их судеб). В определенной степени в минейном коде обнаруживается принцип *imitationis imitationis*, т.е. «подражания подражанию», в котором святые («*imitatio Christi*») являются посредниками между человеком и Богом в художественном и религиозно-символическом значениях.

Композиционная схема агиографического текста является иерархической, вершинной. В минейно организованных произведениях (которые в классической литературе встречается гораздо чаще агиографически ориентированных «вершинных» текстов) система персонажей существует как система дополняющих друг друга образов, а архитектура текста выстраивается по схеме параллельных вертикальных линий, связанных друг с другом многомерными горизонтальными связями. В многовариантности судеб и их значений обнаруживается поливариантность смысла, что является, в том числе, свидетельством трансформации агиографической традиции в ее минейном контексте.

Представляется возможным говорить о минейном коде в текстах, отстоящих друг от друга во временном и историко-литературном отношении: в документальной прозе (дневниках священнослужителей), в массовой литературе третьего ряда (панегирической прозе времени Александра Благословенного), в современной гимнографической литературе (службе Евгению воину) – с одной стороны, и с другой – в торжественном красноречии петровской эпохи (Стефан Яворский, Феофан Прокопович и др.) и других классических произведениях русской литературы (А. С. Пушкина, А. С. Грибоедова, А. Н. Островского, А. К. Толстого, Н. С. Лескова, Л. Н. Толстого, К. К. Случевского, И. С. Шмелева, Б. К. Зайцева, А. А. Ахматовой, А. И. Солженицына). При всей разнице в художественных системах, произведения русской литературы, всегда находящейся в поле активно присутствующей и обсуждаемой религиозности (во всем многообразии проявления и интерпретации этого понятия), не могли не содержать тех констант, которые составляют, кроме прочих смыслов, тот, что может быть интерпретирован как минейный код, как традиция и интертекст

«Четых-Миней» в русской словесности.

Исследование «Четых-Миней» как книги и как текста позволяет сделать системные выводы о многообразии форм проявления традиции памятника в русской словесности, скорректировать представления о роли текстов Священного Предания в отечественной культуре, определить значение «Четых-Миней» как одной из скреп русского и в целом славянского менталитета.

ЛИТЕРАТУРА

Афанасьева Т. А. Распространение кириллической книги в России в XVIII в. // Рукописная и печатная книга в России. Проблемы создания и распространения. Л. : Библиотека Российской академии наук, 1988. С. 131 – 138.

Ветловская В. Е. Житийные источники гоголевской «Шинели» // Русская литература. 1999. № 1. С. 18 – 34.

Воронина Т. А. Религиозный лубок в XIX – начале XX вв. Его просветительская и назидательная функции. Тема. Сюжет. Образ // Народное искусство. Русская традиционная культура и православие. XVIII – XXI вв. Традиции и современность / автор-сост., науч. ред. М. А. Некрасова. М. : Союз Дизайн, 2013. С. 459 – 483.

Гайворонская Л. В. Семантика календаря в художественном мире Пушкина: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2006.

Гродецкая А. Г. Ответы предания : жития святых в духовных поисках Льва Толстого. СПб. : Наука, 2000.

Давыдова К. В. Гипертекстуальность как свойство художественного текста : дис. ... канд. филол. наук. Армавир, 2006.

Демидов Д. Г. Нехудожественные источники выявления концепта // Отражение русской ментальности в языке и речи : Материалы всеросс. научно-практ. конф. Липецк : Изд-во ЛГПУ, 2004. С. 121 – 130.

Державина О. А. Древняя Русь в русской литературе XIX века : (Сюжеты и образы древнерусской литературы в творчестве писателей XIX века). М. : Б. и., 1990.

Зыкова Е. В. Организация гипертекста в сети Интернет: автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб-Пушкин, 2006.

Лотто Ч. де. Лествица «Шинели» // Вопросы философии. 1993. № 8. С. 58 – 83.

Иванова А. А. Гипертекстовые системы как феномен локальной фольклорной традиции // URL: <http://kizhi.karelia.ru/library/tyabinin-2003/8.html> (дата обращения: 24.03.2015).

Кибальник С. А. О «Риторике» Феофана Прокоповича // XVIII век / АН СССР, Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). Л. : Наука, 1983. Сб. 14. С. 193 – 206.

Клейн И. Поэт-самохвал : «Памятник» Державина и статус поэта в русской культуре XVIII века // Клейн И. Пути культурного импорта : труды по русской литературе XVIII века. М. : Языки славянской культуры, 2005. С. 498 – 520.

Климова М. Н. К изучению житийной традиции в русской литературе XIX – XX веков // Вестник ТПГУ. Томск : Изд-во ТПГУ, 2009. Вып. 4 (82). С. 156 – 161.

Костомаров Н. И. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. Второй отдел: Господство Дома Романовых до вступления на престол Екатерины II. Вып. V (XVII столетие). СПб., 1874. Раздел XII : Ростовский митрополит Димитрий Туптало. С. 519 – 536.

Кошелев В. А. Евангельский «календарь» пушкинского «Онегина» (к проблеме внутренней хронологии романа в стихах) // Евангельский текст в русской литературе XVIII-XX веков : Цитата, реминисценция, мотив, сюжет, жанр : сб. науч. тр. Петрозаводск : Изд-во Петрозаводск. гос. ун-та, 1994. С. 131-150.

Крумлинг А. А. Четьи Минеи святого Димитрия Ростовского : очерк истории издания // Филевские чтения. М. : Соратник, 1994. Вып. IX: Святой Димитрий, митрополит Ростовский. Исследования и материалы. С. 5 – 52.

Курилов А. С. Жанр жития и русская филология XVIII в. // Литературный сборник XVII века. Пролог. М. : Наука, 1978. С. 142-153.

Масалова М. В. Гипертекстуальность как имманентная текстовая характеристика : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ульяновск, 2003.

Минеева И. Н. Древнерусский Пролог в творчестве Н. С. Лескова : автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2003.

Новикова Н. А. Жизнь как житие : Пушкин и Чехов // Московский пушкинист – V : Ежегодный сборник / сост. и науч. ред. В. С. Непомнящий. М. : Наследие, 1998. С. 22 – 31.

Растягаев А. В. Агиографическая традиция в русской литературе XVIII в. (Кантемир, Тредиаковский, Фонвизин, Радищев). Самара : Изд-во СГПУ, 2007.

Руди Т. Р. Из комментария к рассказу Н. С. Лескова «Александрит» // Русская литература. 2008. № 3. С. 119 – 129.

Соболева О. В. К проблеме определения понятия «гипертекстуальность» // Вестник Челябинского гос. ун-та. 2014. № 7

(336). Филология. Искусствоведение. Вып. 89. С. 72 – 75.

Стрижев А. Н. Святитель Димитрий митрополит Ростовский. Источники к библиографии. 1976 – 2003 // Богословские труды. Вып. 39. М., 2004. С. 378 – 391.

Тереженко С. О. Житийная традиция в повести Н. В. Гоголя «Шинель»: диалог интерпретаций // Известия ВГПУ. 2011. № 10 (64). С. 108 – 111.

Травников С. Н. Традиции агиографической литературы в повестях А. Н. Радищева // Литература Древней Руси. М. : Изд-во МГПИ, 1978. С. 74-84.

Федотова М. А. Житие, почитание и прижизненные чудеса святого Димитрия Ростовского // Святитель Димитрий, митрополит Ростовский. Исследования и материалы. Ростов Великий : Спасо-Яковлевский Димитриев монастырь, 2008. С. 273-310.

Федотова М. А. Димитрий (в миру Даниил Саввич Туптало) // Словарь книжников и книжности Древней Руси. СПб. : Наука, 1992. Вып. 3. Ч. 1. С. 258 – 271.

Федотова М. А. Житие святого Димитрия Ростовского (к вопросу об истории текста) // ТОДРЛ. СПб. : Наука, 2009. Т. 60. С. 150-182.

Федотова М. А. О конклюдии святому Димитрию Ростовскому (и еще раз о дате крещения святого) // ТОДРЛ. СПб. : Наука, 2010. Т. 61. С. 311-328.

Федотова М. А., Турилов А. А., Зеленина Я. Э. Димитрий (Туптало) // Православная энциклопедия. М. : Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2007. Том XV. С. 8-30.

Федотова М. А. Источники жития Димитрия Ростовского // Русская агиография : Исследования. Материалы. Публикации / отв. ред. Т. Р. Руди, С. А. Семячко. СПб. : Изд-во «Пушкинский Дом», 2011. Т. II. С. 180-222.

Черняк В. Д., Черняк М. А. Базовые понятия массовой литературы : учебный словарь-справочник. СПб. : Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2009. С. 30 – 32.

Черторицкая Т. В., Дробленкова Н. Ф., Фомина М. С., Творогов О. В., Прохоров Г. М., Буланин Д. М., Фет Е. А. Четыре сборники Древней Руси // ТОДРЛ. Л. : Наука, 1985. Т. 39. С. 236 – 273.

Шляпкин И. А. Св. Димитрий Ростовский и его время (1651 – 1709). СПб. : Типография и хромофотография А. Траншель, 1891.